
ЭТИКА

Н. А. ШАВЕКО

ПРИНЦИПЫ СПРАВЕДЛИВОГО ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ: ОБЗОР И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ*

Статья посвящена принципам справедливого ведения войны (jus in bello), которые выделяются в рамках сформировавшейся на Западе теории справедливой войны. Предлагается краткая характеристика данных принципов, а также поднимаются некоторые из основных проблем, связанных с их толкованием. Высказывается точка зрения, что принцип различения следует понимать как принцип ответственности, причем запрещающий не только умышленное, но и вообще любое виновное причинение вреда гражданским лицам и объектам, а принцип соразмерности следует формулировать так, чтобы учитывать не только баланс выгод и издержек от конкретных военных операций, но и вероятность (риск) недостижения такого баланса. Утверждается, что помимо указанных двух принципов в рамках jus in bello следует выделить принцип военной необходимости. Наконец, демонстрируется, что попытки обосновать возможность отступления от принципов справедливого ведения войны, предпринимаемые в научной литературе, в действительности представляют собой попытки отыскать морально убедительные приоритеты одних принципов над другими, но окончательно указанные приоритеты еще не сформулированы.

Ключевые слова: теория справедливой войны, jus in bello, соразмерность, военная необходимость, комбатант, военная этика, доктрина двойного эффекта, supreme emergency.

The article is devoted to the principles of just warfare (jus in bello), which are highlighted within the framework of the just war theory developed in

---

* **Для цитирования:** Шавек Н. А. Принципы справедливого ведения войны: обзор и основные проблемы // Философия и общество. 2024. № 1. С. 72–85. DOI: 10.30884/jfio/2024.01.05.

For citation: Shaveko N. A. The Principles of Just Warfare: Overview and Key Issues // *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2024. No. 1. Pp. 72–85. DOI: 10.30884/jfio/2024.01.05 (in Russian).

Философия и общество, № 1 2024 72–85

DOI: 10.30884/jfio/2024.01.05

the West. A brief description of these principles is given, and some of the main problems associated with their interpretation are raised. It is argued that the principle of distinction should be understood as a principle of responsibility, prohibiting not only intentional, but also any culpable harm to civilians and objects, while the principle of proportionality should be formulated in such a way as to take into account not only the balance of benefits and costs of specific military operations, but also the probability (risk) of not achieving such a balance. It is argued that in addition to these two principles, the principle of military necessity should be highlighted within the framework of jus in bello. Finally, it is demonstrated that attempts in the scientific literature to justify the possibility of departure from the principles of just warfare are in fact attempts to find morally convincing priorities of some principles over others, but these priorities have not yet been fully formulated.

Keywords: *just war theory, jus in bello, proportionality, military necessity, combatant, military ethics, doctrine of double effect, supreme emergency.*

Введение

Западная военная этика в настоящее время развивается в основном в рамках дискурса «справедливой войны», который получил свое современное развитие после публикации книги М. Уолцера «Справедливые и несправедливые войны» (1977). В рамках разрабатываемой множеством авторов (такими как Дж. МакМахан, Б. Оренд, Х. Сисе, Н. Фоушин, Д. Любэн и мн. др.) теории справедливой войны предполагается, что крайний милитаризм (приветствующий в том числе захватнические войны и в целом восхваляющий войну как способ достижения своих целей) и крайний пацифизм (бескомпромиссно осуждающий любую войну), а также взгляд, который можно обозначить как реализм и согласно которому моральные суждения о войне невозможны в принципе (*inter arma silent leges*), являются неверными. В противовес указанным взглядам теория справедливой войны утверждает: 1) что моральные суждения о войне допустимы; 2) войны в принципе можно разделить на справедливые и несправедливые. Все этические взгляды, которые соответствуют двум указанным утверждениям, можно отнести к дискурсу справедливой войны. Таким образом, теория справедливой войны представляет собой не единое системное учение, а довольно обширную совокупность взглядов.

Теория справедливой войны обычно делится на две части: *jus ad bellum* («право на войну», где обсуждаются справедливые условия и поводы для начала войны) и *jus in bello* («право на войну»,

где обсуждаются справедливые способы ведения войны). В первом случае ставится вопрос о том, когда допустимы военные действия, во втором – какими средствами они должны вестись.

Теория справедливой войны представляется весьма перспективным, а также актуальным предметом исследования, которому в отечественной научной литературе не уделяется достаточного внимания. Российские ученые могли бы внести свой вклад в данную теорию, предложить свое оригинальное видение поднимаемых в рамках теории справедливой войны проблем, тем более что в настоящее время данная теория развивается в основном авторами, принадлежащими к англосаксонской традиции, что создает некоторую однородность содержания теоретических выводов [Павлов 2019: 250].

В настоящей статье будет предпринята попытка проанализировать и критически осмыслить основные принципы, которые выработаны в западной философии применительно к *jus in bello*, то есть к справедливым правилам ведения войны. Эти правила касаются не вопроса о том, когда справедливо начинать войны, а вопроса о том, какие способы и методы допустимо использовать при ведении даже справедливой войны. Большинство ученых выделяют два основных принципа справедливого ведения войны: 1) принцип соразмерности (пропорциональности); 2) принцип различия (дифференциации). Мы рассмотрим каждый из них в отдельности.

Дифференциация

Н. Фоушин так характеризует принцип различия: «Во время войны воюющие стороны призывают различать допустимые для нападения цели – такие, как солдаты, матросы, летчики и, возможно, рабочие военных заводов, и недопустимые – такие, как дети, владельцы магазинов, медицинские работники, духовенство. Принцип различия применяется не только к людям, но и к объектам. Аэропорты, дороги и железнодорожные объекты, интенсивно используемые военными, заводы, изготавливающие военное снаряжение, так же как и объекты, предназначенные для военных нужд, – все это подлежит нападению, а госпитали, религиозные учреждения, школы и дома гражданского населения не подлежат» [Фоушин 2016: 175].

Одной из проблем, на которую обращает внимание указанный автор, является проблема экономических санкций в отношении государства-агрессора: негативные последствия в этом случае зачастую затрагивают гражданское население, а не тех людей, которые

развязали войну, то есть принцип различения попирается [Нравственные... 2002: 167]. Эту же проблему, правда, уже в контексте принципа «крайнего средства» *jus ad bellum*, рассматривает Х. Сисе, утверждая, что экономические санкции для достижения необходимого эффекта должны быть масштабными и последовательными, но именно это и делает их очень похожими на блокаду. «Даже санкции, достигшие цели, имели драматичные последствия для населения, примером чему является ЮАР» [Сисе 2007: 96–98]. Сисе склонен относиться к санкциям не менее скептически, чем к войне. И здесь приходится констатировать недостаточное внимание, которое уделяется этому вопросу в международном праве.

Итак, принцип различения предполагает, что гражданские лица и объекты мирной инфраструктуры не могут быть целью военных операций. При этом дискуссионными являются причины, по которым военная этика предписывает различать военных и гражданских лиц. Называются, в частности, такие причины, что гражданские лица не могут защитить себя, не виновны в военных действиях и не представляют непосредственной угрозы для противника [McKeogh 2002]. Схожие причины касаются различения военных и гражданских объектов. Однако нельзя сказать, что приведенные доводы абсолютны. Например, военнослужащие, не принимающие непосредственного участия в боевых действиях, находящиеся в частях, не приведенных в полную боевую готовность, наряду с мирными жителями не имеют возможности для самозащиты, но, тем не менее, могут быть атакованы противником, поэтому беззащитность не является определяющим критерием. Кроме того, рядовые солдаты могут быть невиновны в развязывании войны, они могут быть не согласны с теми приказами, которые им отдаются, но вынуждены их выполнять. Поэтому хотя виновность в целом важна, но не в этом контексте. Гораздо более важной представляется потенциальная угроза тех или иных лиц или объектов для противника. Именно этот аспект может служить основной моральной причиной разграничения комбатантов и некомбатантов.

Вместе с тем названный критерий порождает ряд проблем. Так, Дж. МакМахан обращает внимание на то, что иногда отдельные некомбатанты влияют на военные действия сильнее, чем отдельные комбатанты. Именно поэтому ученый отрицает традиционный для теории справедливой войны принцип различения, основанный на дифференциации комбатантов и некомбатантов, и предлагает другое разграничение – по степени ответственности [McMahan 2004].

Под ответственными лицами ученый понимает тех моральных агентов, действия которых (виновные и невиновные) создают угрозы, являющиеся достаточным основанием для справедливого развязывания войны. Военнопленные, раненые и больные солдаты, медицинский и духовный персонал и т. п. лица не имеют статуса комбатанта постольку, поскольку они не принимают участие в боевых действиях и не могут причинить вред противнику даже потенциально. Во избежание злоупотреблений необходимо презюмировать, что комбатанты ответственны, а некомбатанты – нет, но может быть доказано и противоположное. В целях оценки допустимости вооруженной атаки с точки зрения принципа различия (сформулированного как принцип ответственности) МакМахан предлагает учитывать непосредственность причинно-следственных связей между действиями моральных агентов и возникающими угрозами («уровень моральной ответственности»), серьезность угроз и размер предполагаемого вреда. Указанную позицию оспаривает Д. Родин, который обращает внимание, что даже если какой-либо некомбатант существенно влияет на военные действия, непосредственными (1) и деликтоспособными (2) источниками вреда являются комбатанты [Just... 2008: 47–51]. И все же, как мы полагаем, позиция Дж. МакМахана не противоречит основной идее разграничения комбатантов и некомбатантов, а лишь уточняет ее. Так, в случае достаточных оснований отдельные некомбатанты могут быть расценены как организаторы или пособники военного преступления либо как лица, фактически выполняющие функции военного командования, и на этом основании быть атакованы наряду с комбатантами. Вообще моральное различие между комбатантами и некомбатантами не должно упираться в наличие или отсутствие военной формы или иные формальные юридические критерии. Сущность принципа различия состоит как раз в том, чтобы иметь инструментарий для критического отношения к существующему правовому регулированию. Вот почему в научной литературе все настойчивее раздаются голоса в пользу более гибких критериев, с помощью которых можно было бы оценивать роль конкретных солдат и мирных жителей в войне и, соответственно, степень их ответственности за нее [Gross 2009: 40]. Отсюда представляются в целом верными взгляды МакМахана, в связи с чем мы считаем необходимым уточнить принцип различия как принцип ответственности.

Наиболее острыми в теории справедливой войны являются вопросы, касающиеся своего рода «пограничных случаев», когда не

до конца ясно, как именно классифицировать тех или иных лиц и объекты. Так, например, М. Уолцер допускает атаки в отношении гражданского населения, непосредственно занятого на военном производстве, в случае «военной необходимости» [Walzer 2006: 146]. Аналогично этому Н. Фоушин указывает, что работники заводов, производящих военное снаряжение и боеприпасы, а также работники железной дороги, помогающие доставить их к фронту, могут быть (например, в затяжной войне) законными целями [Нравственные... 2002: 37]. Х. Сисе вводит здесь дополнительные требования: когда атаке подвергаются объекты военной инфраструктуры, на них не должно быть гражданских лиц, либо они должны быть предварительно извещены об опасности, чтобы получить возможность укрыться, либо их жизни по возможности должны быть сохранены иным образом [Сисе 2007: 116]. Дискуссии на указанные темы, как представляется, показывают, что даже если мы понимаем принцип различения как принцип ответственности, не всегда просто понять, кто является комбатантом, а кто не является, потому что сам характер деятельности может быть смешанным: человек на войне, с одной стороны, может делать ту же работу, которую он выполнял в мирное время, но, с другой стороны, эта работа прямо связана с обеспечением комбатантов военной техникой, вооружением и боеприпасами. В общем и целом теоретики считают подобные цели законными, поскольку они являются составной частью военной мощи противника и превышают некий «порог» вреда или угрозы вреда, за которым допустимо применение вооруженных сил с целью противодействия нанесению такого вреда. С нашей же точки зрения, наиболее значимым представляется то, обеспечивает ли тот или иной объект, подвергающийся атаке, потребности мирного населения, а не только солдат. Ведь в конечном счете, если для нейтрализации противника необходимо воспрепятствовать удовлетворению базовых потребностей его солдат, то это кажется морально допустимым, если при этом не затрагиваются аналогичные потребности гражданских лиц.

Сказанное позволяет акцентировать внимание на том аспекте принципа различения, что он запрещает только намеренные действия в отношении гражданских лиц и объектов гражданской инфраструктуры, но не возбраняет причинение им случайного вреда. Начиная со Средних веков данное правило выражалось через так называемый принцип двойного эффекта. Последний может быть сформулирован так: 1) запрещаются негативные намеренные дей-

ствия (даже как средства для позитивных намеренных действий), но при этом допускаются негативные ненамеренные действия (их ненамеренность подразумевает, что они являются лишь сопутствующими по отношению к позитивным намеренным действиям); 2) последствия позитивных намеренных действий и негативных ненамеренных действий должны в сумме быть позитивными; 3) последствия негативных ненамеренных действий должны быть минимизированы [Нравственные... 2002: 186]. Под позитивным эффектом здесь имеется в виду реализация любой законной цели войны (например, атака на комбатантов и военные объекты), а под негативным эффектом – причинение вреда гражданским лицам, объектам мирной инфраструктуры, окружающей среде и т. п. Не вдаваясь в вопрос об общей обоснованности принципа двойного эффекта, заметим лишь, что им осуждаются только намеренные действия в отношении мирных граждан и объектов.

Между тем критерий намеренности может быть подвергнут сомнению. Так, действующий уголовный закон Российской Федерации различает две формы вины: умысел и неосторожность (см. статьи 25, 26 Уголовного кодекса РФ). Встречаемый в западной литературе критерий намеренности, на первый взгляд, может быть интерпретирован с точки зрения существующих в российской юриспруденции понятий таким образом, что принцип различения не допускает лишь умышленного посягательства на гражданских лиц и гражданские объекты. Однако такое толкование нам представляется неверным, ведь даже неумышленное причинение вреда некомбатантам означает пренебрежение их благами и интересами, а потому противоречит нашим моральным интуициям. На наш взгляд, морально недопустимым следует считать любое виновное причинение вреда некомбатантам и объектам гражданской инфраструктуры, в том числе неосторожное. Допустимым следует считать лишь полностью невиновное причинение вреда. Не случайно М. Уолцер пытается обосновать тезис о том, что солдаты в силу их статуса должны брать на себя некоторую ответственность за жизни мирных жителей (неважно, с чьей стороны, поскольку права человека универсальны), стремясь минимизировать наносимый им урон (например, предоставляя гражданским лицам возможности покинуть место боевых действий). Военные задачи должны решаться в первую очередь безопасными для мирного населения способами, за счет отнесения рисков на самих солдат [Walzer 2006: 151]. Д. Любэн, согласившись с этим принципом, обосновал его так:

по общему правилу риски должны нести те, кто их создает [Luban 2016: 75–77].

Одно из направлений критики принципа различения состоит в том, что достаточно сложно определить, являлись ли жертвы среди гражданского населения случайными. Уолцер отвечает на это, что установить вину применительно к боевым операциям хотя и сложно, но возможно (точно так же, как и применительно к преступлениям): сами действия указывают на их намерения. Так, если по результатам боевой операции число жертв среди гражданского населения и число разрушений гражданских объектов больше, чем среди солдат и военных объектов противника, то такая ситуация может указывать на умышленное нарушение атакующей стороной принципа различения [Orend 2001: 12–14].

Соразмерность и военная необходимость

Принципу соразмерности в научной литературе уделяется несколько меньше внимания, чем принципу различения. Возможно, это связано с тем, что основные дискуссии относительно соразмерности ведутся в рамках другого раздела теории справедливой войны, а именно *jus ad bellum*, который также содержит свой принцип соразмерности. Экстраполяция данного принципа на сферу *jus in bello* означает, по сути, простую мысль, согласно которой если вся война в целом должна быть по своим издержкам соразмерна той благой цели, которой она служит, то и потери, и ущерб, причиненные от каждой в отдельности военной операции, также должны быть соразмерны той пользе, которая предполагается при положительном ее исходе. Несмотря на это, в научной литературе, при кажущемся единогласии множества авторов относительно обоснованности принципа соразмерности *jus in bello*, прослеживается совершенно разное понимание данного принципа.

Н. Фоушин комментирует принцип соразмерности так: необходимо взвешивать выгоды и потери (краткосрочные и долгосрочные) от совершения конкретных военных действий и предпринимать такие действия, которые для достижения той же цели предполагают меньшие потери, причем с обеих сторон [Нравственные... 2002: 37, 179–180]. Но эта формулировка фактически соответствует другому принципу, а именно принципу военной необходимости. Аналогично Х. Сисе, рассуждая о соразмерности *jus in bello*, настаивает, что человеческие жертвы следует по возможности снижать

не только среди гражданского населения, но и среди солдат (разумеется, не за счет перекладывания рисков на гражданское население). Вполне возможно, что боевую задачу можно решить, исключив чрезмерные человеческие жертвы. «То, что боеспособность противника необходимо снизить, с точки зрения военной логики вполне естественно. Но то, что нужно *убить* как можно больше солдат, – вовсе не так очевидно» [Сисе 2007: 115]. Наконец, в знаменитом докладе «Обязанность защищать», составленном в 2001 г. Международной комиссией по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, также сказано: «Масштаб, продолжительность и интенсивность планируемого военного вмешательства должны быть минимально необходимыми для обеспечения определенной цели защиты человека» [Генеральная Ассамблея ООН 2022]. Все приведенные формулировки создают одну и ту же проблему, а именно: если понимать принцип соразмерности в таком ключе, то это полностью меняет его смысл. Скорее, речь идет уже о принципе военной необходимости. Последний означает, что политические лидеры и военачальники должны выбирать такие военные стратегии и планировать такие военные операции, которые приведут их армию к победе над врагом (или к иной конечной цели войны) при минимально возможных потерях любого вида. В противном случае их можно обвинить в убийствах и разрушениях, неоправданных даже на войне (и потому наказуемых более строго). Вероятно, именно через военную необходимость, а не пропорциональность, как это делают некоторые авторы [Rhodes 2009: 110], можно обосновать и запрещение оружия, которое причиняет чрезмерные страдания и травмы.

Самостоятельность принципа военной необходимости проявляется в научной литературе и при обсуждении различными авторами принципа двойного эффекта. Комментируя данный принцип, М. Уолцер замечает, что нужно стремиться сводить к минимуму последствия негативных ненамеренных действий [Walzer 2006: 153, 155]. Согласно этому замечанию, недостаточно разграничить положительное и отрицательное (указав на необходимость общего положительного баланса), а также умышленное и неумышленное (запретив все умышленно отрицательное); необходимо также свести к минимуму ненамеренные отрицательные последствия. Но, в сущности, в этом и состоит принцип военной необходимости.

Последний, как представляется, корреспондирует принципу крайнего средства, выделяемому в рамках *jus ad bellum*. Если мы задумаемся, почему война вообще должна быть крайним средством, то обнаружим, что основная причина заключается как раз в необходимости минимизации негативных последствий. Речь идет, таким образом, не просто о том, чтобы негативные последствия по возможности не превышали позитивных, как этого требует принцип соразмерности, а о том, чтобы негативных последствий было как можно меньше, даже если они в любом случае не превышают позитивных. Такое понимание принципа крайнего средства делает его самостоятельным по отношению к принципу соразмерности. Что касается принципа военной необходимости, то он означает то же самое, но уже применительно к *jus in bello*. Каждая конкретная военная операция должна не просто иметь больше позитивных, чем отрицательных следствий, но и стремиться к минимизации отрицательных следствий в любом случае.

Если же мы обратимся к собственно соразмерности, а не к военной необходимости, то обнаружим, что проблем здесь не меньше. Так, например, Н. Фоушин пишет: «Согласно этому критерию, если издержки, которые повлечет за собой ведение войны, перевешивают предполагаемые выгоды, она является несправедливой» [Фоушин 2016: 174–175]. Однако в другом месте он признает этот принцип весьма неопределенным (что значит «перевешивают» и как это определить?). В результате данный автор пытается переформулировать этот принцип следующим образом: государство не должно вступать в войну в случае, «если ожидаемые издержки такого поведения будут *гораздо больше*, чем выгоды», или (в другом месте у того же автора) они «явно» и «очевидно» будут больше [Нравственные... 2002: 37, 132]. В этом смысле принцип соразмерности означает недопустимость только явных и очевидных несоразмерностей, поскольку точные расчеты попросту невозможны. Буквально это означает, что война может принести больше вреда, чем пользы, но если государство, вступая в войну, при всей добросовестности не могло этого предвидеть, то принцип соразмерности считается соблюденным. У других же авторов можно найти прямо противоположную позицию. Так, Б. Родс пишет: «Справедливая война должна предотвращать значительно больше зла, чем она причиняет» [Rhodes 2009: 94]. Принимая во внимание сложность точ-

ных расчетов, мы могли бы развить эту позицию, указав, что справедливой войной является лишь та, которая очевидно будет иметь больше позитивных, чем негативных следствий. Эта позиция очевидно отличается от предыдущей, поскольку недопустимость явно отрицательного баланса – это не то же самое, что требование явно положительного баланса.

В этом споре мы имеем, по сути, два критерия: 1) баланс пользы и вреда должен быть надлежащим (то есть или положительным, или нулевым, или приближенным к нулевому – здесь позиции отличаются у разных авторов); 2) вероятность достижения такого баланса по итогам войны должна быть достаточно высокой. В научной литературе часто затушевывается тот факт, что мы имеем дело с двумя критериями вместо одного. Таким образом, спор оказывается сложнее, чем на первый взгляд, так как в нем присутствуют две ипостаси. Не говоря уже о том, что вышеприведенные позиции Фоушина и Родса относительно баланса пользы и вреда не совпадают. Согласно первой позиции, война недопустима, если издержки значительно превышают выгоды, а согласно второй позиции, война допустима, если выгоды значительно превышают издержки. Понятно, что это разные критерии. Допустим, потенциальные издержки войны составляют 51 у. е., а потенциальные выгоды – 49 у. е. (или даже 50/50). Согласно первой позиции, война в этом случае будет оправдана, а согласно второй – нет. Оценка вероятности изменения баланса издержек и противовесов, конечно же, еще более усложняет этот анализ. К тому же в отношении данной вероятности мы также можем задаться вопросом о том, насколько именно высокой она должна быть.

Границы принципов *jus in bello*

Особое внимание в зарубежной литературе уделяется вопросу о том, в каких случаях у участников военных действий имеется моральное право нарушить принципы *jus in bello*. Так, М. Уолцер допускает возможность отмены правил ведения войны только в случае «неизбежной катастрофы» [Walzer 2006: 232]. Таким образом, правила ведения войны у него не являются абсолютными. Эта позиция автора порой трактуется радикально: «Фактически, вводя понятие “supreme emergency”, Уолцер указывает на своего рода лазейку, позволяющую, не покидая дискурса справедливости, обойтись без критериев теории справедливой войны» [Куманьков 2012:

234]. Однако следует внимательно отнестись к тем аргументам, которые М. Уолцер приводит против абсолютизма *jus in bello*. В конечном счете он говорит о том, что если не нарушить права человека сейчас (например, путем бомбардировки мирных жителей нацистской Германии), то в будущем (например, если нацизм восторжествует) они могут быть нарушены еще в большей степени [Walzer 2004: 34–35]. Либо, если сейчас не создать угрозу жизни граждан другого государства (например, посредством политики ядерного сдерживания), то в будущем можно поплатиться жизнями и благосостоянием граждан своего государства (вследствие ядерной войны). Таким образом, отвергая абсолютный характер *jus in bello*, Уолцер фактически остается в границах более общего морального абсолютизма. Конечно, этот факт не отвергает контраргумента, согласно которому одни невинные люди используются как средства других невинных людей. Вероятно, противоречия могут быть устранены более подробным изучением виновности тех или иных лиц и общностей в конкретной ситуации, но в общем виде аргумент Уолцера все же вызывает сомнения (одна условно невинная группа людей у него становится средством самосохранения другой условно невинной группы людей). Фактически же Уолцер постулирует приоритет принципа военной необходимости перед принципом различия. Таким образом, речь идет не об отрицании принципов *jus in bello* в каких-то исключительных случаях, а лишь о расстановке приоритетов при противоречии указанных принципов. Этот вопрос является чрезвычайно сложным и не до конца решенным в научной литературе. Сегодня некоторые ученые, принимая во внимание невозможность применения ядерного оружия исключительно по отношению к войскам и военным объектам, также отстаивают второстепенность принципа различия по сравнению с другими принципами и пытаются разграничить различные стратегии ядерной войны в зависимости от попыток минимизировать жертвы среди гражданского населения [Нравственные... 2002: 197–203]. Однако мы должны понимать, что хотя возможно говорить о более или менее несправедливых тактиках, все они так или иначе несправедливы. Согласно заслуживающей внимания интерпретации Б. Оренда, в ситуациях, подобных уолцеровской «*supreme emergency*», принцип различия не перестает действовать, однако поскольку справедливое решение невозможно, мы

вынуждены выбирать между большей и меньшей несправедливостью [Orend 2001: 28–29].

Заключение

В настоящей статье мы рассмотрели два традиционно выделяемых в научной литературе принципа справедливой войны, относящихся к *jus in bello*, а именно: принцип различения и принцип соразмерности. Мы показали лишь некоторые проблемы, связанные с указанными принципами, но уже это изложенное позволило: 1) конкретизировать принцип различения как принцип ответственности; 2) показать, что любые виновные (а не только умышленные) атаки в отношении гражданского населения и объектов мирной инфраструктуры недопустимы; 3) выявить, что помимо принципа различения и принципа соразмерности в рамках *jus in bello* следует выделить в качестве отдельного принцип военной необходимости; 4) показать неоднозначность термина «соразмерность», употребляемого теоретиками справедливой войны, а также связь данного термина не только с балансом выгод и издержек, но и со степенью риска наступления тех или иных последствий; 5) проблематизировать соотношение трех различных принципов справедливого ведения войны.

Литература

Генеральная Ассамблея ООН. Письмо Постоянного представителя Канады при Организации Объединенных Наций от 26 июля 2002 года на имя Генерального секретаря. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/57/303> (дата обращения: 01.11.2022).

Куманьков А. Д. Эволюция концепции справедливой войны в работах М. Уолцера // *Этносоциум*. 2012. № 8. С. 146–151.

Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / под общ. ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. М. : Гардарики, 2002.

Павлов А. Постсовременность войны // *Логос*. 2019. Т. 29. № 3. С. 247–263.

Сисе Х. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. М. : Весь Мир, 2007.

Фоушин Н. Две теории справедливой войны // *Этическая мысль*. 2016. Т. 16. № 2. С. 169–186.

Gross M. L. *Moral Dilemmas of Modern War: Torture, Assassination, and Blackmail in an Age of Asymmetric Conflict*. New York, NY : Cambridge University Press, 2009.

Just and Unjust Warriors. The Moral and Legal Status of Soldiers / ed. by D. Rodin, H. Shue. New York, NY : Oxford University Press, 2008.

Luban D. *Human Rights Thinking and the Laws of War // Theoretical Boundaries of Armed Conflict and Human Rights* / ed. by J. D. Ohlin. Cambridge : Cambridge University Press, 2016.

McKeogh C. *Innocent Civilians: The Morality of Killing in War*. Basingstoke, New York, NY : Palgrave, 2002.

McMahan J. *The Ethics of Killing in War // Ethics*. 2004. Vol. 114. No. 4. Pp. 693–733.

Orend B. *Just and Lawful Conduct in War: Reflection on Michael Walzer // Law & Philosophy*. 2001. Vol. 20(1). Pp. 1–30.

Rhodes B. *An Introduction to Military Ethics: A Reference Handbook (Contemporary Military, Strategic, and Security Issues)*. Santa Barbara; Denver; Oxford : Praeger (ABC-Clio), 2009.

Walzer M. *Arguing about War*. New Haven; London : Yale University Press, 2004.

Walzer M. *Just and Unjust Wars. A Moral Argument with Historical Illustration*. New York, NY : BasicBooks, 2006.